

СЕРГЕЕВ Олег Витальевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета. Автор 50 научных публикаций, в т. ч. двух монографий, 4 учебных пособий*

СНОВИДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ КАК СКРЫТЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ДРАМАТИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ А.М. РЕМИЗОВА «ЧАСЫ»

В статье исследуется своеобразие драматизации художественного пространства романа А.М. Ремизова «Часы». Цель работы – рассмотреть драматизацию в контексте структуралистской литературоведческой теории. Структурализм используется в качестве метода в достижении поставленной цели, т. е. дает возможность определить сновидения как явление художественной образности и как структурный элемент текста, позволяющий изучить некоторые новые литературоведческие проблемы. Сновидение – феномен психологический, одновременно – это и разновидность текста. В центре внимания – А.М. Ремизов как развивающаяся творческая индивидуальность. Его роман «Часы» взят как этапное произведение, завершающее раннюю пору художественной биографии писателя. Факты из жизни А.М. Ремизова выступают усилением проблемы драматизации, являющейся литературоведческой категорией и свойством душевно-духовной организации личности писателя. Следовательно, драматизация связана с такими качествами, как склонность к фантазированию и способность изображать трудноуловимые моменты жизни человека переломной исторической эпохи. Теоретический аспект взаимодействия замкнутого мира провинциальной жизни и ритма времени показан через многочисленные нарушения восприятия персонажа. Эти аномалии рассмотрены в пространственных формах сновидений главного героя Кости Ключкова, таких как сновидческая топонимика, девизуализация. Теоретический аспект проявляется во взаимодействии фоновых художественных процессов: воображения и визуализации в тексте. Первый уровень – герметичный мир провинциальной жизни российской глубинки. Второй – время как метафизический период, пространство во времени. В романе множество действующих лиц, даже эпизодические персонажи показаны как сновидцы с интересным мечтательным мышлением. Внутреннее и внешнее подавление личности представлено проявлением универсального закона времени и его тирании над индивидуальными судьбами персонажей, чьи бытийные проблемы подменены бытовыми неурядицами и взаимным отчуждением.

Ключевые слова: А.М. Ремизов, роман «Часы», структурализм, художественное пространство, драматизация, художественные сны.

---

*Адрес: 105005, Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 21, корп.1; e-mail: parragon@bk.ru

Для цитирования: Сергеев О.В. Сновидения персонажей как скрытый психологический фактор драматизации художественного пространства в романе А.М. Ремизова «Часы» // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 2. С. 131–138. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.2.131

Известный литературовед из Германии Катарина Лов утверждала, что в русской литературе начала XX века произошла «дегероизация персонажей» [1, p. 109]. Категорию «герой» она воспринимает с двух точек зрения: этической и эстетической. Исчезновение истинных героев в русской литературе началось гораздо раньше. Герои понимались как персонажи, вступившие в поединок с судьбой или врагами Отчизны. Не все побеждали, но большинство персонажей могли восприниматься как герои. По мнению К. Лов, исчезновение таких персонажей со страниц произведений писателей начала XX века – результат вытеснения человека. Вытеснение это необычное, в нем присутствует метафизическое начало: личные вещи подменяют личность. Человеческий быт превращается в мир вещей. Загадочным представляется ремизовский пиетет перед вещным миром и поныне. Самый «бытийный» роман А.М. Ремизова «Часы» рассматривается преимущественно в бытовом аспекте. Даже ремизовские персонажи и те в представлении немецкой исследовательницы превратились в игрушки, марионетки.

В общем плане творчества А.М. Ремизова вещи всегда на видных местах. Они сосуществуют с человеком на равных. Вещи в его произведениях – непростые: они часто выказывают свою таинственную или волшебную сущность: различные часы в романе «Часы» (1904), антиквариат в «Неуемном бубне» (1909), колоды карт в «Крестовых сестрах» (1910); звери-игрушки Слононок, Змейка, Медведюшка стали постоянными действующими персонажами его произведений. Так, в рассказе «Эмалиоль» (1909) один из самых таинственных ремизовских персонажей, некий «князь из аферистов», спрашивает «не в лад разговору»: в ответ на вопрос «“А вы знаете, князь, как жить?” – “Вещи вы любите?”»¹ Сходное совпадение существенного (вещного) и сущностного – в книге «Подстриженными глазами»: «Я берегу вещи. И я

чувствую себя рядом с высокой мыслью человеческой, перед поступком человеческим»².

Упреки западных славистов, преимущественно германских и североамериканских, в адрес русских писателей имели гораздо больший резонанс, нежели их опровержение. Пример внимания к такой рецепции России как прежде всего литературной державы, чья история связана в основном с филологией (обретение грамотности, влияния Византии и Южной Европы), – работы американского литературоведа Р. Джэксона. Долгое время он был руководителем Ассоциации специалистов по славянским культурам. Среди русистов он известен как любитель русской парадоксальной литературы. Р. Джэксон считал, что Россия – страна, в которой личность никогда не имела и не имеет особой значимости [2]. Относительно общественно-политической жизни это, пожалуй, верно, но в литературе начала XX века обнаружить авторскую индифферентность по отношению к своим героям вряд ли удастся.

Творчество А. М. Ремизова являет собой попытку мобилизовать эстетические ресурсы на реабилитацию человека, на защиту его прав. Заметим, что предмет исследования Р. Джэксона был иным – проблемы «подпольной психологии». Не в героическом смысле как часть истории «подпольной России», а в психолого-мифологическом. Вероятно, этим объясняется такая категоричность выводов американского слависта.

На основании эвристического поиска с помощью поискового ресурса inion.ru Института научной информации по общественным наукам РАН мы видим, что в современном российском литературоведении роман А.М. Ремизова «Часы» не рассматривался сколько-нибудь подробно в течение последних 10 лет. Одной из последних работ была статья С.Б. Попрядухиной о мифологемах романа «Часы» в концепции «картина мира писателя» [3]. Тем не менее обстоятельные работы о Ремизове были. Они написаны известными современными историками

¹Ремизов А.М. Сочинения. М.; СПб., 1910–1912. Т. 3. С. 120.

²Ремизов А.М. Подстриженными глазами // Ремизов А.М. Вихреная Русь. М., 1991. С. 28.

и теоретиками литературы. Не потерял своей актуальности первый опыт научной биографии, написанный австрийским славистом Х. Ламплем [4]. Одна из важнейших работ по теории творческой индивидуальности принадлежит теоретику литературы Н.Д. Тамарченко. Это статья о кризисной картине мира в индивидуальном сознании ремизовских персонажей [5]; философско-исторический подход к проблеме «человек и быт его времени» был успешно реализован в статье известного ремизоведа Е.Р. Обатниной [6]. Перспективы изучения творчества Ремизова в контексте возвращения писателя в историю отечественной классической литературы были показаны в обзорной статье К. Секе [7]. Интересной в краеведческом плане была работа Ю.В. Розанова [8]. Автор показал связь событий романа с биографией писателя, точнее – с его ссылкой в Вологду. Поэтический аспект восприятия Русского Севера изучен О.В. Поспеловой [9].

А.М. Ремизов задумал роман «Часы» во время своего ссылного поселения. Следует назвать особо из числа жителей Вологды, с кем был близок Ремизов, владельца часовой мастерской и магазина Соломона Сегалья. А.М. Ремизов работал в его магазине, вел расходные и приходные книги. Вероятно, что именно «тогда и там» у писателя начала складываться особая философия времени, тесным образом связанная с его неповторимым восприятием этого таинственного «измерения», в котором существует и пропадает человек. Пожалуй, более яркого с точки зрения внутреннего смысла времени у писателя уже потом не было. С. Сегаль подарил ему часы. Ремизов, склонный к анимизации предметов, считал: все в 1903–1904 годах было написано под «тончайшим вниманием» этих часов. Подарок был символическим – в честь «дня освобождения от надзора полиции». Избавившись от слежки, Ремизов работал «под присмотром» этих Часов. Они стали для него символическим проявлением тирании времени, судьбы: «Случалось, засыпал на них в тягчайшие смертные

минуты, окаменевал вместе с часами: времени не было, все равно, на волю судьбы»³.

23 февраля 1904 года Ремизов приехал в Одессу вместе с молодой женой. Здесь он начал роман «Часы». 18 апреля 1904 у молодых супругов родилась дочь Наташа. Вероятно, чувство покинутости, которое испытывал А. Ремизов как муж, и вполне реальные опасения потерять ребенка отразились в романе, когда он писал о болезни Кати и хрупкой беззащитной Иринишке.

21 июня 1904 года А.М. Ремизов поехал в Киев, надеясь на более активную жизнь, чем в Одессе, где его угнетали воспоминания о том унижительном положении, в котором он оказался, работая учителем чистописания в гимназии. Это нашло отражение в романе «Часы», где мужские характеры представлены беспомощными и униженными. Сергей Ключков, бросив семью, трусливо скрывается от кредиторов; его брат, невротик Костя, чувствует себя чужим в своей семье; их дряхлеющий отец пытается сохранить оставшиеся деньги и отказывается оплачивать долги сына, опасаясь неблагодарности; нерешительный Нелидов кончает жизнь самоубийством – таковы главные персонажи этого романа.

Ремизов сблизился с оформителем его книг «Пруд» и «Часы» в издательствах «Сириус» и «Эос» Мстиславом Добужинским. Добужинского привлекал загадочный детский мир в произведениях Ремизова. Мир этот не упрощенный, как в «детской литературе», а полный значимости, психологически-полнокровный, наполненный вещами и вещими снами. Ему особенно нравился рассказ «Слоненок» (1905). Образ часов в этом рассказе имеет принципиальное значение, а сновидение является главным литературным приемом. С помощью него удастся открыть подспудные психологические процессы. В то же время сон-сновидение выступает самостоятельной композиционной частью целого рассказа.

Функциональность и самостоятельность приема сновидений в творчестве Ремизова особенно ярко демонстрируются в этом рассказе.

³Ремизов А.М. La Matiere. Берлин, 1924. С. 102.

Пробуждение совпадает в тексте с выздоровлением: «...все будто внове: <...> каждому слову радовался и предмету»⁴. Возвращение в вещный мир (к предметам) – символическое. Из кошмарного сна, где вещи оживают, где проявляется их враждебная человеку сущность. Самый враждебный и одновременно таинственно-притягательный предмет – это часы. В рассказе Ремизов расчленил идиому: часы у него не просто ходят – у них выросли ноги, они «обулись» в валенки. Патологическая ненависть к этому предмету у Ремизова – из его личного опыта. Он занимался нетворческим, механическим трудом в часовой лавке. Это и отразилось в романе «Часы» (1903–1904), а также в рассказе с тем же названием (1903). Зная Ремизова, многие замечали его страх перед однообразным трудом. Труд он всегда предпочитал творчество: каллиграфию, сочинительство, переделки сказок и мифов.

Знамение времени начала XX столетия – преодоление инфантильного эгоцентризма и юношеского индивидуализма – выразилось в творчестве А.М. Ремизова. Превращение этого мировосприятия в подобное, но не тождественное – персонализм – Андрей Белый считал драматическим. У Ремизова драматический персонализм проявляется в необычной форме «благодаря прапамяти», т. е. памяти о непережитом: о предсуществовании, былой слиянности с «душой народа», «коллективным сознанием». Заслуга Ремизова как писателя XX века, отмеченная многими (А. Белый, М. Волошин, А. Куприн), заключается в том, что он смог «расцветить» эзотеризм глубинных переживаний.

Среди современной Ремизову писательской критики выделяется статья А. Куприна. Он обратил внимание на то, что персонажи романа «Часы» «делают и говорят все, что им заблагорассудится, автор лишь время от времени вплетает в их сумбурную и бредовую жизнь свои заклинания и молитвы» [10]. Природа психологизма у А.М. Ремизова, по Куприну, магическая: «Темна и бессмысленна жизнь вызван-

ных им привидений с искаженными лицами». Образы видений, возникающих в состояниях сна или бреда, по Куприну, являются результатом саморазвития характеров ремизовских персонажей.

Другой современник, М.А. Волошин, относился к Ремизову как к знатоку всего русского, прежде всего русской души. Особый интерес представляет процесс анимизации явлений внешней и внутренней жизни: «...он подслушивает молчаливую жизнь вещей и явлений и разоблачает внутреннюю сущность, древний сон каждой вещи» [11, с. 509].

Роман «Часы», как и последовавшие за ним «Неуемный бубен» и «Пятая язва», – роман без любви. В этом смысле основное противоречие искусства – противоречие между формой и содержанием – изменилось: оно пошло вглубь, в содержание. Роман потерял основное свое качество – пружину действия, любовную интригу. Мужская инфантильность проявилась в литературе начала XX века не на пустом месте – она была подготовлена большей частью прозы Н. Гоголя, Ф. Достоевского, А. Чехова. У Ремизова она обнаружилась в пародийно-анекдотической форме, в игре, которая развивалась во время написания романа «Часы».

Духовная атмосфера в Вологде для А.М. Ремизова мало чем отличалась от столичной. В Москве он в основном был сторонним наблюдателем, в Вологде непосредственно участвовал в творческой жизни местной и сосланной интеллигенции. Роман «Часы» посвящен московской жизни, хотя задумывался и создавался далеко от Москвы. Москва узнается не по топике, а по атмосфере, по темпу жизни. В «Часах» писатель продолжает тему времени, начатую в ранних работах: в частности, в романе «Пруд» он показал его относительность. Ремизов считает, что человеческая душа живет днем и ночью. Сон – это сцена, где воображение является режиссером, актером и оформителем декораций. Воображение – это свойство «бессонного сердца». Тема замедления и остановки времени связана с мыслью

---

⁴Ремизов А.М. Сочинения. Т. 2. С. 223.

о богооставленности. Ремизов отождествляет власть Бога с властью времени над человеческой судьбой. В романе «Пруд» эта мысль постоянно развивалась. Время – дневная и ночная категория.

В романе «Часы» образ ходящих часов появляется более 40 раз. Упоминание часов превышает 70 раз. Почти каждый из персонажей хочет остановить часы, чтобы продлить свою жизнь или мгновения радости. Проблема относительности времени в протяженности и бытийности проявляется в том, что герои хотят прошлое перенести в настоящее. Те же, кто мечтает о светлом будущем, превращают это будущее в прошлое. Настоящим в этом романе являются сны, которые захватывают в свои объятия почти всех крупных персонажей.

Главный герой романа «Часы» – Костя Клочков, мальчик часового магазина. Его мизерабельное положение усиливается оттого, что он живет и работает на положении чужого в своем семейном предприятии. Автор явно на стороне Кости Клочкова. Это участие автора проявляется не только в психологической точке зрения: он видит мир столь же безумными глазами, что и герой. На этом основании можно говорить о существовании в тексте фиктивного автора. Именно этот, фиктивный, автор видит то, что существует реально, но не физически. В поле его зрения и демоны, и бело-зеленая метель, и «тысячи костистых белых чудовищ», чудовище со скользким животом, «тысяча тысяч маленьких ядовитых червячков», «железное чудовище».

В образе Кости Клочкова доминируют био- и психонегативные черты. Он некрасив от природы: у него кривой нос, косые глаза. Он чувствует бессмысленность своей жизни, ощущает себя никому не нужным. Весь мир делится для него на две части. После того как во время игры в снежки он получил камень в лицо (камень был внутри снежка), Костя окончательно пришел к выводу о враждебности мира: «И ясно почувствовал, что

он, Костя Клочков, кривоносый Костя – сам по себе, а все вокруг – другое, и он может перевернуть это другое – весь мир»⁵. Костя решил, что может захватить власть над городом и над временем, прибавив к обычному времени свой, Кости Клочкова, лишний час. Приняв решение, он погружается в предсонное состояние – «плелся уверенно в каком-то пьяном полусне». Состояние полусна Ремизов называет образно: «бездумье». Это слово выступает производным, близкое к нему «безумье» проявляет свою природу подспудно.

В романе «Часы» только вещи не знают сна: клочковский магазин сторожит «бессонная сторожиха» – жестяная лампа без абажура; внутри магазина – часы, которые «ходили, как утром, как днем, как вечером, не могли забыться: им не уснуть»⁶.

Костя любит читать, у него богатое, развитое долгим чтением воображение. Он любит необычные слова («шкамарда», «залезняк», «жизнерадужный»). Его поразили вычитанные выражения «одиночное заключение» и «считать тараканьи шкурки». Он представляет себе, что может отправить своих врагов в одиночное заключение считать тараканьи шкурки и лизать крысам хвосты. Желание переходит в сны Кости. Косте приснилось, что он вырвал себе все зубы, а вместо ног у него окурки. На этих хрупких ногах лезет он в граммофонную трубу. Он скользит, поднимается, снова лезет и оказывается около дыры, ведущей в пропасть. С трудом Костя сопротивлялся желанию пролезть в трубу и все-таки упал. Падая, он увидел мастера, Семена Митрофановича, который смеялся, подперев кулаками бока: «Одиночное, брат, одиночное заключение»⁷.

Речь во сне часто совпадает с тем, что слышал сновидец в реальной жизни перед сном. Две основные мысли развиваются именно в этом сне: о смерти и изоляции. Падение во сне означает, что Костя не может сохранить душевного

---

⁵Ремизов А.М. Указ. соч. Т. 3. С. 19.

⁶Там же. С. 77.

⁷Там же. С. 46.

равновесия в дневной жизни. По прошествии некоторого времени в доме Клочковых происходит традиционное вечернее чаепитие. Рая дразнит Костю, Костя дразнит Раю, все заканчивается тем, что он теряет равновесие и тыкается носом в трубу граммофона. Вечер заканчивается шумно: разбито стекло, а мастер, «подпирая бока, григотал от удовольствия»⁸. Сон Кости совпадает со словесно озвученной реальной ситуацией. Падение в бездну символизирует резкое движение времени, которое Костя не может контролировать.

Для описания произошедшего вечером автор использует тот же образно-словесный материал, что и для ночного сна Кости. Страх в сне-падении исчезает, однако беспокойство усиливается. Сон этот отражает угрозу потери рассудка.

Постепенно равновесие между личностью и эманацией личности нарушается. Побеждает темное, демоническое. Костя превращается в костлявого, длинношеего демона. Видения определяют суть реальности. Реальность населяется фантазмами, которые ждут часа и условий воплощения.

Сон о граммофоне и о Семене Митрофановиче из первой части реализуется в третьей. Метафора из сна (пропасть) переносится в реальность, и уже не отверстие в трубе граммофона, а «пасть» угрожающе шипит на Костю. Костя видит, что черта, отделяющая его от других людей, превращается в пропасть. Он находит возможность говорить по душам только с недоростком Иваном Трофимовичем. Их сближает то, что они отличаются от обычных людей: один – ростом, другой – кривым носом. Иван Трофимович рассказывает Косте легенду о стране Бесинии, где живут куринасы, у которых куриные носы: они несут круглый год яйца, утиные и гусиные, и сами же их поедают.

В представлениях детей отражаются два типа мифологического мышления: уранического, связанного с небом, и земного. Мифологическая пара Небо – Земля (Уран – Гея) явилась основой большинства мифов. Миф о «детях, полных

гордыни», прямо связан с божественной парой (Небо – Земля). Вырождение, измельчание «детей гордыни» у Ремизова представлены в психологической и физиологической фрустрации. Иван Трофимович мечтает о том, чтобы купить себе огромные часы, «большущие, сто пудов, с цепочкой, с серебряною», другой возомнил о себе как о бессмертном.

Ремизов амплифицирует сказочный сюжет о Кошце Бессмертном на своих героев: в романе «Пруд» – на Алексея Огорельшева, в романе «Часы» – на Костю Клочкова. Миф о Кошце прямо связывается с примитивными представлениями о психологии. Гоголь в романе «Мертвые души» сравнил душу одного своего персонажа с яйцом Кошца. Не случайно бездушный Алексей Огорельшев напоминает Кошца, а Костя Клочков приобретает на протяжении романа кощееобразные черты: «Бессмертный я – Костя Клочков, бессмертный»⁹. Ремизов указывает на то, что истоки одержимости, био- и психонегатива его героев – внешние, но не социальные, а метафизические: «И какой-то зеленый свет, зеленый до боли, проникал в его тело». Костя только повторяет то, что нашептывает ему невидимый собеседник: «Бессмертный! Я – Костя Клочков бессмертный!» Под влиянием этих сакральных речей происходит переакцентировка. Герой иначе понимает собственную значимость.

Вспомним, что Костя имеет психологическую значимость (для самого себя) и социальную релевантность (для других). Эти качества связаны на символическо-семиотическом уровне: в романе он – хранитель ключа для часового механизма. Костя носит ключ с собой, а можно прочесть и как «в себе». Ремизов, говоря о психологических состояниях своего героя, подчеркивает болезненный характер его мышления с помощью сказочных гипербола («неожиданная мысль иголю прошла через его взбаламученный мозг»). Спутанность мыслей, аморфность переживаний являются отличительными чертами этого несформировавшегося подростка.

---

⁸Ремизов А.М. Указ. соч. С. 76.

⁹Там же. С. 84.

Его сон о зеленом свете, который превратился в змея, вырастает на подготовленной почве. В сне Павлушки из рассказа «Слоненок» открываются подспудные психологические процессы, но в отличие от рассказа в романах Ремизова сон является несамостоятельным композиционным элементом. Реальность переходит в сон, и сон переходит в реальность. Фиктивная идея о том, что, заполучив желанную вещь, можно обрести власть над миром, в этих произведениях развенчивается с равным успехом. Сложность же ситуации в романе «Часы» заключается в том, что Ремизов показал, что его герой не нужен ни черту, ни Богу: Бог равнодушен к персонажам, а черт не хочет поупать такие мелкие души.

В финале Костя, так и не разрешивший свой психологический конфликт, оказывается хозяином только собственного царства безумия. Таким образом, в финале романа человек предстает одиноким перед равнодушной Вселенной. Ничто в жизни не дает ему радости и надежды. Смерть для героев – бессмысленная сила, предстающая в виде манящей пустоты. Для второстепенных героев романа она является источником неизведанных страхов. Тема смерти развивается в романе также только через ее драматизацию в сновидениях. Принимая условия своего существования, человек создает свои, предельно ограниченные, преходящие ценности и не может найти универсальные.

Список литературы

1. Löve K.H. The Structure of Space in F. Sologub's 'V tolpe' // *Russ. Lit.* 1991. Vol. 30, № 2. P. 109–133.
2. Jackson R. *Dostoevsky's Underground Man in Russian Literature*. Hague, 1958.
3. Попядухина С.В. Мифологические проекции романа А. Ремизова «Часы» // Картина мира в художественном произведении: материалы Междунар. науч. интернет-конф., г. Астрахань, 20–30 апреля 2008 года. Астрахань: Изд. дом «Астрах. ун-т», 2008. С. 44–46.
4. Lampl H. A.M. Remizov. Short Biographical Essay (1877–1923) // *Russian Literature Triquarterly*. Ann Arbor, 1986. P. 7–60.
5. Тамарченко Н.Д. Правда героя и кризис его мира в повестях Л. Андреева, Ф. Сологуба и А. Ремизова // Русская литература конца XIX – начала XX века в зеркале современной науки: в честь В.А. Келдыша. М.: Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького Рос. акад. наук, 2008. С. 228–244.
6. Обатнина Е.Р. Быт как территория творчества Алексея Ремизова // *Вестн. истории, лит., искусства: альм.* 2008. Т. 5. С. 340–352.
7. Секе К. Ремизовское наследие и современная русская проза // *Мир литературы*. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2010. С. 198–207.
8. Розанов Ю.В. Фольклоризм А.М. Ремизова: источники, генезис, поэтика. Вологда: ВГПУ, 2008. 266 с.
9. Поспелова О.В. Образ «полуночного солнца» в произведениях о Русском Севере А. Ремизова, М. Пришвина, Е. Замятина // *Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки*. 2017. № 2. С. 131–136.
10. А.К. [А.И. Куприн]. Алексей Ремизов. «Часы» // *Соврем. мир*. 1908. № 7. С. 125–127.
11. Волошин М. Лики творчества. Л.: Наука, 1988. 848 с.

References

1. Löve K.H. The Structure of Space in F. Sologub's 'V tolpe'. *Russ. Lit.*, 1991, vol. 30, no. 2, pp. 109–133.
2. Jackson R. *Dostoevsky's Underground Man in Russian Literature*. Hague, 1958.
3. Popryadukhina S.V. Mifologicheskie proektsii romana A. Remizova "Chasy" [Mythological Projections of A. Remizov's Novel *The Clock*]. *Kartina mira v khudozhestvennom proizvedenii* [Picture of the World in Fiction]. Astrakhan, 2008, pp. 44–46.
4. Lampl H. A.M. Remizov. Short Biographical Essay (1877–1923). *Russian Literature Triquarterly*, Ann Arbor, 1986, pp. 7–60.

5. Tamarchenko N.D. Pravda geroya i krizis ego mira v povestyakh L. Andreeva, F. Sologuba i A. Remizova [The Hero's Truth and the Crisis of His World in the Stories by L. Andreyev, F. Sologub and A. Remizov]. *Russkaya literatura kontsa XIX – nachala XX veka v zerkale sovremennoy nauki* [Russian Literature of the Late 19th and Early 20th Centuries as Reflected in Contemporary Studies]. Moscow, 2008, pp. 228–244.

6. Obatnina E.R. Byt kak territoriya tvorchestva Alekseya Remizova [Daily Life as the Territory of Aleksei Remizov's Creative Work]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva: al'manakh*, 2008, vol. 5, pp. 340–352.

7. Seke K. Remizovskoe nasledie i sovremennaya russkaya proza [Remizov's Heritage and Contemporary Russian Prose]. *Mir literatury* [The World of Literature]. Moscow, 2010, pp. 198–207.

8. Rozanov Yu.V. *Fol'klorizm A.M. Remizova: istochniki, genezis, poetika* [A.M. Remizov's Folklorism: Sources, Genesis, Poetics]. Vologda, 2008. 266 p.

9. Pospelova O.V. Obraz "polunoshchnogo solntsa" v proizvedeniyakh o Russkom Severe A. Remizova, M. Prishvina, E. Zamyatina [The Image of the Midnight Sun in the Literary Works About the Russian North by A. Remizov, M. Prishvin, and E. Zamyatin]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 2, pp. 131–136.

10. Kuprin A.I. Aleksey Remizov. "Chasy" [Aleksei Remizov. *The Clock*]. *Sovremennyy mir*, 1908, no. 7, pp. 125–127.

11. Voloshin M. *Liki tvorchestva* [The Faces of Creativity]. Leningrad, 1988. 848 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.2.131

Oleg V. Sergeev

Moscow Region State University;
ul. Fridrikha Engel'sa 21, korp. 1, 105005, Moscow, Russian Federation;
e-mail: parragon@bk.ru

CHARACTERS' DREAMS AS A HIDDEN PSYCHOLOGICAL FACTOR OF FICTIONAL SPACE DRAMATIZATION IN *THE CLOCK* BY ALEKSEI REMIZOV

This article dwells on fictional space dramatization in Aleksei Remizov's novel *The Clock*. The paper aimed to study dramatization in the context of the structuralist literary theory. Structuralism is used as a method to achieve this goal, i.e. it allows us to define dreams as a phenomenon of artistic imagery and as a structural element of the text, enabling one to study some new literary problems. The dream is both a psychological phenomenon and a kind of text. The focus of attention is on Aleksei Remizov as a developing creative individuality. His novel *The Clock* was chosen as a landmark work of the early period of Remizov's artistic biography. The facts from Remizov's life intensify the problem of dramatization, which is both a literary category and the writer's spiritual quality. Consequently, dramatization is associated with such traits as tendency to fantasize and the ability to portray the elusive moments of a person's life in a game-changing historical period. The theoretical aspect of the interaction between the closed world of provincial life and the rhythm of time is shown through the character's numerous perceptual distortions. These anomalies are considered in the spatial forms of the dreams of the protagonist Kostya Klochkov, such as dream toponymy and devisualization. The theoretical aspect is manifested in the interaction between background artistic processes: imagination and visualization in the text. The first level is the hermetic world of provincial life in the backwoods of Russia. The second level is time as a metaphysical period, space in time. There are many characters in the novel, and even incidental ones are portrayed as dreamers with fascinating dreamy mentality. Internal and external suppression of personality is presented as a manifestation of the universal law of time and its tyranny over the individual destinies of the characters, whose existential problems are substituted by domestic troubles and mutual alienation.

Keywords: Aleksei Remizov, *The Clock*, structuralism, fictional space, dramatization, fictional dreams.

Поступила: 16.06.2017

Received: 16 June 2017

For citation: Sergeev O.V. Characters' Dreams as a Hidden Psychological Factor of Fictional Space Dramatization in *The Clock* by Aleksei Remizov. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 2, pp. 131–138. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.2.131